

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА В ДИАЛОГЕ С ПОЭТОМ

RUSSIAN LITERATURE IN THE DIALOGUE WITH THE POET

DOI: 10.22363/2312-9220-2025-30-4-707-716

EDN: OQGDJJ

УДК 821.161.1

Научная статья / Research article

**Пушкинские источники значений народной войны
в романе Л. Толстого «Война и мир»****А.И. Иваницкий** **К.А. Нагина** *Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия*
 meisster@mail.ru

Аннотация. Цель исследования – характеристика взаимосвязи образа народной войны в романе Л. Толстого «Война и мир» с образом пугачёвского бунта повести А.С. Пушкина «Капитанская дочка». Доказывается, что характер Фёдора Долохова по-особому проявляет символическую многозначность понятия «войны» в романе Толстого. С одной стороны, он замыкает на себе ее негативное значение – аристократической гордыни и эгоизма, главных проблем русской жизни, с другой – присущие Долохову охотниче «зверство» и «бешенство» делают его ключевым действующим лицом Отечественной войны 1812 г., утверждающей идею «мира» как всеобщего «общинно-роевого» бытия. Этим Долохов проявляет первичное, «стихийно-охотничье» начало народной войны, олицетворяемое Тихоном Щербатым. Утверждается, что прообраз такой войны, как восстания первобытной охотничьей стихии, представляет пугачёвщина в пушкинской «Капитанской дочки». Смысл бунта его вождь раскрывает главному герою Гринёву в калмыцкой сказке о соколе и вороне: «...чем триста лет питаться падалью, лучше раз напиться живой кровью». Отмечается, что перешедший на сторону Пугачёва Швабрин (как «полезный вредитель» Гринёва) предвосхищает соответствующую роль Долохова в отношении главных героев «Войны и мира» (Пьера Безухова, Николая и Наташи Ростовых). И Швабрин, и Долохов вынуждают своих антагонистов проявлять жажду жизни и волю, которые восходят к тому же стихийному началу, но направляются разумом, мерой и моралью. В результате сделаны следующие выводы: в художественном мире Пушкина и Толстого проявляется диалектическое взаимодействие природы и человеческого естества; угрожая ввергнуть мир в первозданный хаос, стихия войны, бунта, разрушения укрепляет его порядок.

Ключевые слова: «Капитанская дочка», «Война и мир», народная война, война как охота, «роевое начало», помощник-антагонист, гармония воли и долга

© Иваницкий А.И., Нагина К.А., 2025

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Вклад авторов. Идея, разработка концепции и методологии, написание «пушкинской» части статьи, научное редактирование – А.И. Иваницкий; разработка концепции и методологии, написание «толстовской» части статьи, анализ результатов исследования, научное редактирование текста – К.А. Нагина. Все авторы прочли и одобрили окончательную версию рукописи.

Заявление о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: поступила в редакцию 26 августа 2025 г.; отрецензирована 22 сентября 2025 г.; принятa к публикации 24 сентября 2025 г.

Для цитирования: Иваницкий А.И., Нагина К.А. Пушкинские истоки значений народной войны в романе Л. Толстого «Война и мир» // Вестник Российской университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2025. Т. 30. № 4. С. 707–716. <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2025-30-4-707-716>

Alexander Pushkin's Sources of the Meaning of the People's War in L. Tolstoy's Novel *War and Peace*

Alexander I. Ivanitsky Ksenia A. Nagina

Russian State University for the Humanities, Moscow, Russian Federation

 meisster@mail.ru

Abstract. The aim of the study is to characterize the relationship between the image of the people's war in L. Tolstoy's novel *War and Peace* and the image of the Pugachev rebellion, as depicted in A.S. Pushkin's *The Captain's Daughter*. The character of Fyodor Dolokhov uniquely embodies the symbolic polyvalence of the notion of "war" in Tolstoy's *War and Peace*. On one hand, he epitomizes its negative aspect – aristocratic pride and egoism, the central maladies of Russian life. On the other, Dolokhov's predatory "ferocity" and "savagery" make him a key agent of the 1812 Patriotic War, which affirms the idea of "peace" as a universal, "communal-swarm" existence. In this, Dolokhov channels the primal, "elemental-hunting" spirit of popular war, personified by Tikhon Shcherbaty. The prototype for such war, as an uprising of primitive hunting instincts, appears in Pushkin's *The Captain's Daughter* through Pugachev's rebellion. Its leader reveals the rebellion's essence to Grinyov via a Kalmyk tale of an eagle and raven: *Better to drink living blood once than feed on carrion for three hundred years*. Meanwhile, the turncoat Shvabrin exposes the logic behind Dolokhov's amoral noble "self-will" – first adopting the "elemental-hunting" ethos as a mark of distinction, then dissolving into it completely. Like Shvabrin as Grinyov's "useful saboteur", Dolokhov plays an analogous role for Tolstoy's protagonists (Pierre Bezukhov, Nikolai and Natasha Rostov). Both antagonists compel the heroes to harness that same primal vitality and will, rooted in nature yet guided by reason, measure, and morality. The following conclusions have been made in this research: within the literary universes of Pushkin and Tolstoy, a dialectical interaction between raw nature and human nature is revealed; by threatening to plunge the ordered world into primordial chaos, the elemental force of war, uprising, distraction ultimately reinforces its very structure.

Keywords: *The Captain's Daughter*, *War and Peace*, people's war, war as hunting, "swarm principle", helper-antagonist, harmony of will and duty

Authors' contribution. The idea, development of the concept & methodology, writing the “Pushkin” part of the article, academic editing – Alexander I. Ivanitsky; development of the concept & methodology, writing the “Tolstoy” part of the article, analysis of the research results, academic text editing – Ksenia A. Nagina. All authors have read and approved the final version of the manuscript.

Conflicts of interest. The authors declare that there is no conflict of interest.

Article history: submitted August 26, 2025; revised September 22, 2025; accepted September 24, 2025.

For citation: Ivanitsky, A.I., & Nagina, K.A. (2025). Alexander Pushkin's Sources of the Meaning of the People's War in L. Tolstoy's Novel *War and Peace*. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 30(4), 707–716. <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2025-30-4-707-716>

Введение

В сюжете романа Л.Н. Толстого «Война и мир» (1863–1869) неоднократно прочитывались отсылки к «Капитанской дочке» (1836) А.С. Пушкина: оба произведения описывают духовную судьбу героя либо героев на фоне и под влиянием «народной войны» (Федорова, 2023). Как известно, в романе Толстого война символизирует две фундаментальные реальности. Первая представляет собой аристократическую гордыню и эгоизм, которым подчиняются и поклоняются Элен и Анатоль Курагины, Андрей Болконский (до ранения при Аустерлице), Наполеон, Сперанский и др. Вторая – начало «мира», то есть общинно-«кроевого» бытия, утверждающееся в противостоянии Наполеону в 1812 г.

Это начало составляет «мысль народную», которую воплощает Платон Каратаев.

Дополнительные смыслы «войны» в романе может высветить пушкинский генезис фигуры Фёдора Долохова – антагониста главных героев и «вредителя», который «...стягивает к себе чужие планы, верования, жизненные установки, когда они помечены знаком „все дозволено“» (Камянов, 1978, с. 171–172). Истоки его характера видятся в той же «Капитанской дочке».

Результаты и обсуждение

Ключевой чертой Долохова, отличающей его от других персонажей «войны» в романе, является его хищное «зверство» и «бешенство», которое он представляет Николаю Ростову в пору их дружбы своим кredo: «...передавлю всех, коли станут на дороге»¹; «...мне что нужно, я просить не стану, сам возьму»². Это, по сути разбойное, начало в Долохове делает охоту самой

¹ Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений : в 90 томах. Т. 10. Война и мир. Т. 2. М. ; Л. : Гос. изд-во «Художественная литература», 1938. С. 43.

² Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений : в 90 томах. Т. 9. Война и мир. Т. 1. М. ; Л. : Гос. изд-во «Художественная литература», 1937.

желанной и естественной для него формой жизни (Гевель, 2021)³. При этом он соединяет в себе охотника и «зверя»⁴. Князь Андрей в разговоре с Пьером называет Долохова «злой <...> собакой»⁵. Вершиной охоты, как постоянной жажды добычи через противоборство, становится для Долохова *война*, в которой противник выступает той же добычей. Так, в ранних редакциях романа читаем:

«Долохову вдруг показалось так легко иметь дело, вместо этой грозной, таинственной массы, с румяным офицером и его солдатом, так охватило его это охотничье чувство, которое говорит так сильно о том, как бы убить зверя, что заглушает всякое чувство опасности, что он не испытывал другого волнения, кроме радости, когда бежал с двенадцатью солдатами к дороге. Зверь его был румяный офицер»⁶.

В этом в Долохове проявляются черты первичного, «военно-охотничьего» народного начала, изображенного Толстым в повести «Казаки», опубликованной в 1863 г. и ставшей одним из основных источников «мысли народной» в «Войне и мире». Так, для Ерошки, как и для других казаков, подобные друг другу абреки и звери на охоте ближе присланных из России солдат, поскольку живут по тем же правилам и законам, что и «охотящиеся» на них казаки. А Лукашка (любовный соперник прибывшего из Москвы дворянина Оленина) сначала получает «трофей» в виде убитого абрека, а затем, стремясь живьем взять его брата в качестве такого же трофея, становится его жертвой (охота предстает равноправным поединком) (Нагина, 2018, с. 22–25). Это проясняет глубокую внутреннюю связь Долохова с воюющей (солдатской) народной массой. Так, солдатская песня, по наблюдению В.И. Камянова, поставила Долохова в новую позицию к вчерашним друзьям… Если прежде он выделялся среди них холодной дерзостью и диктаторскими ухватками, то теперь причастностью к народу (Камянов, 1978, с. 134). Но Долохов проявляет именно первобытный, «стихийный» пласт народной войны 1812 г. как эпической «охоты» на Наполеона:

«Очень часто раненое животное, заслышав шорох, бросается на выстрел на охотника, бежит вперед, назад и само ускоряет свой конец. То же самое делал Наполеон под давлением всего своего войска. Шорох Тарутинского сражения спугнул зверя, и он бросился вперед на выстрел, добежал до охотника, вернулся опять назад и, наконец, как всякий зверь, побежал назад, по самому невыгодному, опасному пути, но по знакомому, старому следу»⁷.

Тем самым значение «народной» войны в романе раздваивается. Если «кроевое начало» войны как «мира» воплощает Платон Каатаев, то войну как

³ По наблюдениям О. Гевель, в дневниковых записях Долохов устойчиво упоминается Толстым в «охотничьем» контексте.

⁴ Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений : в 90 томах. Т. 11. Война и мир. Т. 3. М. ; Л. : Гос. изд-во «Художественная литература», 1940. С. 199.

⁵ Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений : в 90 томах. Т. 10. Война и мир. Т. 2. М. ; Л. : Гос. изд-во «Художественная литература», 1938. С. 110.

⁶ Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений : в 90 томах. Т. 13. Война и мир. Черновые редакции и варианты. М. ; Л. : Гос. изд-во «Художественная литература», 1949. С. 401.

⁷ Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений : в 90 томах. Т. 12. Война и мир. Т. 4. М. ; Л. : Гос. изд-во «Художественная литература», 1940. С. 91–92.

вершину охотничьего бытия – Тихон Щербатый. Фундаментальное родство Долохова и Щербатого проявляется в убийстве пленных, получающих значение воинского трофея и одновременно охотничьей добычи⁸.

Эти смыслы образа Долохова проявляет пушкинский Пугачёв. Подоплека возглавляемой им народной войны раскрывается во «вступительном» описании Оренбургской губернии как восстание первобытной *стихии* толпы против «рационально-разумного», оседлого порядка:

*«Сия обширная и богатая губерния обитаема была множеством полутих народов, призвавших еще недавно владычество российских государей. Их поминутные возмущения, непривычка к законам и гражданская жизни, легкомыслие и жестокость требовали со стороны правительства непрестанного надзора для удержания их в повиновении...»*⁹.

Киргизская шапка, в которой Пугачёв отправляется с Гринёвым из Бердской слободы в Белогорскую крепость, и «...кибитка, запряженная тройкою татарских лошадей»¹⁰ связывают Пугачева с этим миром «полудиких народов», в котором родилось и которым живет восстание. Этот же «первобытный» мир представляют и перебежчик Юлай, впоследствии казненный Пугачёвцами, и доставленный в Белогорскую крепость лазутчик-башкир, который за прежнее свое бунтарство лишился языка, ушей и ноздрей. Последнее наказание постигло в повести, как мы знаем, и ближайшего сподвижника Пугачёва Хлопушу. Поэтому, обещая «пожаловать» Гринёва, «...когда получ[ит] свое государство»¹¹, Пугачев, по сути, выражает желание этих народов и беглых казаков вернуться в состояние дикой вольницы.

Вполне логично, что, раскрывая Петру Гринёву смысл восстания, Пугачёв выводит его из калмыцкой сказки о соколе и вороне. Хищно-охотничье резюме сказки: «...чем триста лет питаться падалью, лучше раз напиться жизнью кровью»¹², – фактически предвосхищает тот пафос жизни как войны, который характерен для Долохова.

Между тем главным подручным Пугачёва становится дворянин Швабрин, воплощающий философию аморального «своеволия». Став «ложным», пугачёвским комендантом Белогорской крепости, Швабрин в итоге превращается в раба восставшей стихии, «валя[ясь] в ногах у беглого казака»¹³. Примечательно, что при этом Швабрин отказывается от своей дворянской эмблематики, тем самым идентичности. Сразу после взятия крепости Пугачёвым он является «...среди мятежных старшин... обстриженный в кружок

⁸ Беря юного Петю Ростова на опасную вылазку, вопреки противоборству Денисова, Долохов, по сути, стремится вырастить из него такого же хищника, как он сам, а его смерть оценивает как гибель зверя репликой «Готов!» (О «хищно-стихийном» пласте народной войны в «Войне и мире» Толстого см.: (Нагина, 2018)).

⁹ Пушкин А.С. Полное собрание сочинений : в 10 томах. Т. VI. Художественная проза. М. ; Л. : Академия наук СССР, 1950. С. 446.

¹⁰ Там же. С. 504.

¹¹ Там же. С. 475.

¹² Там же. С. 507–508.

¹³ Там же. С. 511.

и в казацком кафтане». Во второй своей приезд в Белогорскую крепость Гринёв видит, что Швабрин «...отпустил себе бороду»¹⁴.

И. Тойбин (1976, с. 219, 236) отмечает знаменательный парадокс: дворянин Швабрин переходит к Пугачёву, а капитан Миронов, человек из народа, остается верен присяге до конца. Это обнаруживает противопоставленность «стихийной» войны в «Капитанской дочке» «народному» началу, основанному на порядке и морали. Долохов в известном смысле сочетает в себе черты Пугачёва и Швабрина: первобытно-охотничьей (разбойной) стихии и «либертинского» поклонения ей, растворения в ней.

При этом, по точной оценке В. Камянова, Долохову в «Войне и мире» «...нет равных в ...парадоксальности» (Гевель, 2017). Последовательно выступая «вредителем» в отношении духовно растущих главных героев (Пьера, Николая и Наташи Ростовых), Долохов постоянно способствует их развитию. Прежде всего, устроению их семейного счастья, которому непрерывно угрожает и которого сам остается лишен. Обольщая Элен и провоцируя дуэль с Пьером, Долохов раскрывает ему глаза на пустоту его жизни и побуждает изменить ее, что в итоге приводит к счастливому браку с Наташей. Помогая Анатолю в похищении Наташи, Долохов предотвращает ее брак с князем Андреем и «ведет» навстречу Пьеру. Обыгрывая в карты Николая Ростова, которого Соня предпочла ему, Долохов разрушает этот союз, направляя Николая к его подлинной суженой, княжне Марье. Таким образом, «...все действия Долохова приводят в итоге к единственно возможному в толстовском мире окончанию – созданию большой семьи». В этом смысле Долохов подобится Мефистофелю, «что без числа / Везде творит добро, всему желая зла». Неявно инфернальное начало в Долохове задает его «двойная» улыбка. Будучи инороден всем, пропадая в никуда (в окончательном варианте романа у него нет адреса), успешно играя во все игры, Долохов легко обольщает высших, в частности Анатоля и Пьера Безухова, понимая их характеры и провоцируя их исчерпывающее проявление. Самого же Долохова мы видим только глазами других героев. Анаграмма его фамилии закрепляет за ним признак *холода*, который прямо или косвенно сопутствует всем эпизодам с его участием (Гевель, 2017, с. 42–51). Инфернальную семиотику образа Долохова отмечали также В.И. Камянов (1978, с. 171–172), Г. Клей (Clay, 1998, с. 120), Д. Оливер (Oliver, 2003, с. 58).

Принципиально важно, что к своему счастью герои приходят «благодаря» не только долоховским усилиям, но и «долоховским» чертам в них самих. Николай становится настоящим солдатом в том числе и в продолжение своей беззаветной охотничьей страсти; Пьеру помогает в разрыве с Элен его собственное природное «бешенство». Возможно, в том числе и поэтому Долохов, по наблюдению Г. Морсона, появляется так часто... описан так детально... особенно в разделе, первоначально названном «1805 год», что ... читатели первых ста страниц считали его главным героем» (Morson, 1987,

¹⁴ Пушкин А.С. Полное собрание сочинений : в 10 томах. Т. VI. Художественная проза. М. ; Л. : Академия наук СССР, 1950. С. 509.

с. 151), с которым прямо или косвенно связано большинство других. Неслучайно Долохов – единственный среди эгоистов и гордецов романа, кого нельзя назвать побежденным. После войны 1812 г. он, как известно, просто пропадает из сюжета в никуда (Гевель, 2017, с. 39–40).

В схожей роли помощника-антагониста в отношении Гринева в «Капитанской дочке» выступает Пугачев, который «...по странному стечению обстоятельств таинственно был с [ним]... связан»¹⁵. Угрожая всему дворянскому миру Гринёва, Пугачёв сначала отпускает героя из крепости (притом, что его начальников казнит за тот же отказ изменить присяге), а затем устраивает его семейное счастье – возвращая Машу и отпуская его вместе с нею. При этом Пугачёв дважды претендует на отцовские права в отношении Гринёва: сначала в его сне в разбойничьем умеете, а затем – желая быть посаженным отцом на его свадьбе с Машей. Помощь тем самым оказывается относительной, поскольку несет в себе искушение. И.П. Смирнов, оценивая сознательный выбор Пушкиным в «Капитанской дочке» волшебно-сказочной модели посвятительного странствия героя, видит в Пугачёве «волшебного помощника» Гринёва. Прямыми источниками этого мотива являются пермская сказка «Лешок», заглавного персонажа которой герой спас от стужи, как Гринёв спас Пугачёва в бурянной степи (Смирнов, 1974, с. 292, 310). Неслучайно уже тогда ямщик опознает в Пугачёве звериные, «прачеловеческие» черты: «Должно быть, волк или человек»¹⁶. На мифопоэтическую составляющую «Капитанской дочки», в том числе в соотношении с текстами Толстого, указывали Л.А. Степанов (1987, с. 187), С.З. Агранович и Л.П. Рассовская (1990, с. 31–45), А.И. Иваницкий и К.А. Нагина (2024, с. 242–250). Схожие фольклорно-мифологические подтексты в прозе Толстого, в том числе в «Войне и мире», отмечены С.А. Шульцем (1998, с. 33–43) и Е.Д. Толстой (2011, с. 342–354).

Соотношение помощи и соблазна в «тайственной связи» с Пугачёвым определяет служебный путь Гринёва, на котором он постоянно выбирает между «волей» и «долгом». Будучи от рождения «сержантом гвардии», он следует «долгу», когда этого требует дворянская честь, прославляемая в эпиграфе повести: повинуясь отцу, отказывается от петербургской карьеры в пользу Оренбурга, а затем и Белогорской крепости, после падения которой не желает целовать руку Пугачёву, сохраняя верность присяге. Но та же честь, вопреки служебному уставу, требует от Гринёва выбора «воли», когда речь идет о защите его избранницы Маши Мироновой. Тогда он дерется на дуэли со Швабриным¹⁷, а затем тайно приезжает из осажденного Оренбурга в Белогорскую крепость, чтобы помешать его браку с Машей. «Воля» оказывается

¹⁵ Пушкин А.С. Полное собрание сочинений : в 10 томах. Т. VI. Художественная проза. М. ; Л. : Академия наук СССР, 1950. С. 505.

¹⁶ Там же. С. 406–407.

¹⁷ О жизни русского дворянина XVIII в. в пространстве двух норм – службы и чести (где вторая особенно ярко проявлялась именно в отношении дуэли) – см.: Лотман Ю.М. Евгений Онегин : Комментарий // Пушкин : Биогр. писателя ; Статьи и заметки 1960–1990. СПб. : Искусство-СПб., 1995. С. 542–762. Из последних работ на эту тему см. (Чжан, 2024).

более высоким, «рыцарским» уровнем «нормы»¹⁸. Заявлять и утверждать свою волю Гринёву позволяет его жизненная сила, идущая от природы. Она всецело движет «полудикими народами», находящимися на первичной, кочевой и охотничьей стадии развития. Восстание такой первобытной коллективной стихии символически предвещает буран¹⁹. В гринёвском пути эта природа корректируется разумом, мерой и долгом, которые объединяются в понятии чести.

В то же время ложно-дворянское своееволие наделяет стихийно-охотничью мораль значением «культуры». Именно поэтому роль гринёвского полезного вредителя Пугачёв «передает» Швабрину, который трижды оговаривает своего счастливого любовного соперника (косвенно предваряя «вредительство» Долохова в отношении Николая Ростова). Дважды – перед Пугачёвым (после взятия бунтовщиками Белогорской крепости и в Бердской слободе) и единожды – перед царским следствием. Этим Швабрин трижды искушает Гринёва: присягнуть Пугачёву, повиниться перед ним в обмане (Маша не племянница попады, а капитанская дочка), указать царским следователям на Машу как причину самовольных сношений с самозванцем. Преодолев эти искушения, Гринёв и становится «природным» дворянином царицы и рыцарем своей избранницы. Именно в таком позитивно-провоцирующем вредительстве Швабрину наследует Долохов.

Заключение

Как видите, диалектически осмысленный образ народной войны в романе Л.Н. Толстого раскрывается в том числе и в характере Фёдора Долохова – антагониста главных героев и «вредителя», который стягивает к себе чужие планы, верования, жизненные установки, когда они помечены знаком «всё дозволено». Крепко спаянный с темой войны, этот герой одновременно проявляет и ее «кроевое начало», и ее стихийную хаотичность, и охотничью инстинктивность. Истоки двойственности и самого героя, и его функций в романе необходимо искать в образе Пугачёва, показанного в «Капитанской дочке» А.С. Пушкина.

В повести стихийное начало народной войны предстает в своем исходном значении: как восстание первичного (кочевого/охотничьего) коллективного бытия против любого заданного порядка и права. Дворянское аморальное своееволие не просто возвращается к этой первобытно-охотничьей стихии, но и растворяется в ней. Однако своим преследованием духовно «растущих» ге-

¹⁸ Поэтому Гринёв, по точному наблюдению Т. Алпатовой (1995, с. 59–70) ни разу не выбирает между долгом и совестью. Это предопределяет становление героя в единстве реальных противоречий и идеальной перспективы развития. См. также (Гиршман, Стулишенко, 1982, с. 89–107).

¹⁹ Балладным аналогом пугачевских претензий на права отца в хронотопе зимнего лесного пути выглядит «Лесной царь» Гете (1782), известный Пушкину в переводе В.А. Жуковского (1818). Но в реалистической повести субъект и предикат метафоры меняются местами. Пугачёв не патрон зимней стихии, а раб своего исполинского темперамента, рожденного природой и потому чуждый какому-либо порядку, ограничивающему его волю. Стихия же иновыражает этот темперамент.

роев носители безбрежного своеволия как у Пушкина, так и у Толстого стимулируют позитивные проявления той же стихийно-природной силы – во имя нормы и в согласии с рациональной мерой. Постоянно угрожая «упорядоченной» норме, «стихия» утверждает и развивает ее.

Список литературы

Агранович С.З., Рассовская Л.П. Истоки жанровой структуры «Капитанской дочки» А.С. Пушкина // Содержательность форм в художественной литературе / отв. ред. Л.А. Финк. Куйбышев : Куйбышевский государственный университет, 1990. С. 31–45.

Аллатова Т.А. Литературные параллели картины бурана в романе А.С. Пушкина «Капитанская дочка» // Литературные отношения русских писателей XVIII – начала XX вв. : межвуз. сб. науч. тр. / отв. ред. В.Н. Аношкина. М. : МПУ, 1995. С. 59–70.

Гевель О.Е. Долоховский текст творчества Л. Толстого: истоки, семантика, функции, контекст. Красноярск : СФУ, 2017. С. 39–40.

Гевель О.Е. «Щегол» на восточно-европейском перекрестке: «русские» подтексты романа Донны Таррт // Имагология и компаративистика. 2021. № 15. С. 264–279. <https://doi.org/10.17223/24099554/15/16>

Гиришман М.М., Стулишенко Л.П. О жанре «Капитанской дочки» // Вопросы русской литературы. 1982. № 1(39). С. 89–107.

Иваницкий А.И., Нагина К.А. Зимний путь и зимний сон у Пушкина и Л. Толстого // Филология и культура. Philology and Culture. 2024. № 4(78). С. 242–249. <https://doi.org/10.26907/2782-4756-2024-78-4-242-249>

Камянов В.И. Поэтический мир эпоса : о романе Л. Толстого «Война и мир». М. : Советский писатель, 1978. 295 с.

Нагина К.А. Анималистика и антропология Льва Толстого : учеб. пособие. Воронеж : ВГУ, 2018. 97 с.

Смирнов И.П. От сказки к роману // Труды отдела древнерусской литературы / под ред. Д.С. Лихачёва. Т. 27. Л. : Российская академия наук, Институт русской литературы (Пушкинский дом), 1972. С. 284–320.

Степанов Л.А. Структура комических микросюжетов в «Капитанской дочке» // Болдинские чтения. Горький : Волго-Вятское кн. изд-во, 1987. С. 178–190.

Тойбин И.М. Пушкин. Творчество 1830-х годов и вопросы историзма. Воронеж : Изд-во Воронежского ун-та, 1976. 278 с.

Толстая Е.Д. Мифологические умыслы в характеристиках героев «Войны и мира»: от первой ко второй версии // Актуальные проблемы изучения и преподавания русской литературы : взгляд из России – взгляд из зарубежья : материалы междунар. науч.-практ. конф., посвященной 190-летию кафедры истории русской литературы филологического факультета Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербург, 7–9 октября 2010 г. / под ред. А.А. Карпова. СПб. : Скрипториум, 2011. С. 342–354.

Федорова Е.А. Телеологический сюжет в романах «Капитанская дочка» А.С. Пушкина и «Война и мир» Л.Н. Толстого // Проблемы исторической поэтики. 2023. Т. 21. № 4. С. 102–129. <https://doi.org/10.15393/j9.art.2023.13123>

Чжан Я. К вопросу о теме дуэли в романе «Капитанская дочка» А. С. Пушкина // Litera. 2024. № 7. С. 12–21. <https://doi.org/10.25136/2409-8698.2024.7.71171>

Шульц С.А. Миф и ритуал в творческом сознании Л.Н. Толстого // Русская литература. 1998. № 3. С. 33–43.

Clay G.R. Tolstoy's Phoenix from Method to Meaning in War and Peace. Evanston : Northwestern University Press, 1998. 142 p.

Morson G.S. Hidden in a Plain View Narrative and Creative Potentials in “War and Peace”.
Stanford : Stanford University Press, 1987. 322 p.

Oliver D. Dolokhov as Romantic Parody: Ambiguity and Incongruity in Tolstoy’s Pre-Byronic Hero // *Tolstoy Studies Journal*. 2003. Vol. XV. P. 50–66.

Сведения об авторах:

Иваницкий Александр Ильич, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт высших гуманитарных исследований им. Е.М. Мелетинского, Российский государственный гуманитарный университет, Российская Федерация, 125047, Москва, Миусская пл., д. 6. ORCID: 0000-0002-1437-3671; SPIN-код: 7196-6291. E-mail: meisster@mail.ru

Нагина Ксения Алексеевна, доктор филологических наук, профессор кафедры истории и типологии русской и зарубежной литературы, Воронежский государственный университет, Российская Федерация, 394018, Воронеж, Университетская пл., 1. ORCID: 0000-0001-7676-9228; SPIN-код: 2268-4171. E-mail: k-nagina@yandex.ru